

Анна
БОРН

Вместо

“ПРОЩАЙ” -

“ПРОСТИ”

Амелия Борн

Вместо "прощай" - "прости"

<https://litres.ru/73967204>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Все продается и покупается, Димон. Думаешь, эта новая подружка Кати не согласится лечь со мной, если я пообещаю ей золотые горы? Да она предаст мою жену тут же!

- То есть, ты готов сам пойти на предательство, чтобы что-то мне доказать?

- А что в этом такого? Все мужики испокон веков любят такой «спорт» - хоть в бизнесе, хоть в постели. Бизнес плох без риска, а брак без походов налево - преснейшая штука.

Мой муж, которого я случайно услышала и буквально приросла к полу, немного помолчал и добавил:

- К тому же, мы с Эммой уже целовались пару раз. И зажимались, как подростки.

Он рассмеялся, а меня чуть не вывернуло наизнанку.

Шла сделать мужу сюрприз, а получила неопровержимые доказательства его измены.

Но вместо того, чтобы уйти к Эмме и сказать мне «прощай», он готов перевернуть мир, чтобы я его простила

Амелия Борн

Вместо "прощай"

- "прости"

- Все продается и покупается, Димон. Думаешь, эта новая подружка Кати не согласится лечь со мной, если я пообещаю ей золотые горы? Да она предаст мою жену тут же!

- То есть, ты готов сам пойти на предательство, чтобы что-то мне доказать?

- А что в этом такого? Все мужики испокон веков любят такой «спорт» - хоть в бизнесе, хоть в постели. Бизнес плох без риска, а брак без походов налево - преснейшая штука.

Мой муж, которого я случайно услышала и буквально приросла к полу, немного помолчал и добавил:

- К тому же, мы с Эммой уже целовались пару раз. И зажимались, как подростки.

Он рассмеялся, а меня чуть не вывернуло наизнанку. Шла сделать мужу сюрприз, а получила неопровержимые доказательства его измены.

Но вместо того, чтобы уйти к Эмме и сказать мне «прощай», он готов перевернуть мир, чтобы я его простила...

От врача я вышла обессиленная, на ватных ногах, но счастливая донельзя.

Мартовское солнце било в глаза, и я шурилась, но улыбка все равно разъезжалась до ушей. Глупая, радостная и даже нелепая.

В сумке лежала выписка, в голове царила полнейшая эйфория, а в груди пульсировало то самое «я все могу».

«Катерина Александровна, вы абсолютно здоровы, - сказала совсем недавно доктор, поправляя очки. - Можете иметь детей. Просто время нужно. И чуть-чуть веры».

Я хотела рассмеяться ей в ответ: да я сейчас поверю во что угодно! В приметы, в знаки, в кармические встречи. В то, что наше трехлетнее «не получается» наконец-то закончится.

Во все, что только бы мне ни сказали...

В кондитерскую, у которой притормозила мгновением раньше, я влетела ураганом.

И замерла у витрины, как ребенок перед новогодней елкой.

Стекло подсвечивалось снизу, и каждый торт в этом золотистом свете казался произведением искусства. «Птичье молоко» нежно-белое, с воздушными волнами суфле. «Прага» - темная, влажная, обещающая горький шоколад. «Наполеон» с хрустящими листьями теста, пересыпанными крошкой.

Но я смотрела на тот, что стоял в центре, на отдельном блюде.

Три коржа. Шоколадный, ванильный и снова шоколад-

ный. Между ними - вишневое конфи, которое уже начало слегка подтекать по краям, и продавщица, заметив мой взгляд, быстро промокнула его салфеткой. Сверху - шапка взбитых сливок, карамельная нить и розочки. Четыре штуки. Кремовые, нежно-розовые, с тонкими прожилками, будто настоящие.

- Это у нас «Вишневый сад», - сказала продавщица, поправляя кружевной фартук. - Очень популярен этой весной.

Она была немолода, лет пятидесяти, с аккуратным каре и морщинками у глаз. Смотрела на меня с той особенной улыбкой, какой женщины смотрят на счастливых невест или на только что родивших женщин.

Я сочла это добрым знаком.

- Муж любит шоколадный? - спросила она. - Или с фруктами?

Я засмеялась. Глупо, звонко, слишком громко для пустой кондитерской.

- Какие бы торты он ни любил, я хочу самый жирный, самый вредный и самый красивый, - выпалила в ответ. - С вишней. И розочками.

- Прекрасный выбор. На какой вес рассчитываем?

Я растерялась. Торт будем есть дома? Брать кусочки на двоих? На троих, если Димон зайдет? Четверо, если Эмма... Нет, Эмму не надо. Только мы.

- Несколько кусочков на полкило, - решила я. - Нет, лучше на килограмм! Чтоб на два дня хватило.

Продавщица кивнула и достала из-под прилавка коробку - плотный крафт, перевязанный бечевкой, с тисненым логотипом. Она работала уверенно, бережно, как хирург: подложила картонную подложку, перенесла кусочки торта специальной лопаткой.

- Вишня домашняя, - сказала она будто по секрету. - Хоть и заморозка, но своя. Можете не переживать.

Я не переживала. Я вообще ни о чем не переживала в тот момент. Все тревоги кончились ровно час назад в кабинете гинеколога.

«Катерина Александровна, - сказала доктор, - я понимаю, вы три года пытаетесь, но медицина - это не магия. Иногда нужно просто подождать».

Просто подождать. Три года ждала, еще немного подожду.

Она что-то писала в карте, а я смотрела в окно на голые мартовские деревья и думала: «В апреле почки набухнут. В мае зацветут. К июню у нас будут хорошие новости... нет, к июню еще рано. К августу? К сентябрю?»

Я считала месяцы, как школьница - дни до каникул.

Продавщица протянула мне коробку.

- С вас тысяча двести.

Я протянула карту, не глядя на терминал. Смотрела на торт. На розочки. На то, как красиво бечевка ложится на крафт.

- Счастливое событие? - спросила продавец, протягивая чек.

Я хотела сказать «да» и что «скоро у нас будет ребенок». Хотела рассказать ей все - про Даниила, про командировку, про то, как он вернулся сегодня утром и я чмокнула его в щеку, после чего сказала: «Я к врачу, ты отдыхай», и он кивнул, тут же уткнувшись в ноутбук.

Но я просто улыбнулась.

- Самый счастливый день в моей жизни!

Я вылетела на улицу, и мартовский ветер ударил в лицо, откинул волосы назад, залез под расстегнутое пальто. Я не застегивала пуговицы, когда бежала к машине. Коробку с тортом прижимала к груди, как ребенка.

Ключ зажигания, щелчок ремня, зеркало заднего вида - поправить помаду. Я взглянула на себя и замерла.

Из зеркала на меня смотрела женщина, у которой все получится. Глаза блестят, щеки розовые от ветра, губы растянуты в улыбку, которую невозможно сдержать. Я не выглядела на свои тридцать два. Я выглядела на восемнадцать, когда мы только встретились с Даней, и он впервые сказал мне: «Выходи за меня», а я подумала: «Конечно. О, боже, да, конечно, только с ним!»

Навигатор загрузился, показал маршрут.

Я вдавила педаль газа, мне жизненно необходимо было срочно все рассказать мужу.

В машине играло радио. Какая-то попса, которую я обычно переключала, но сейчас мне было все равно. Я подпевала, не зная слов, барабанила пальцами по рулю. Коробка с тор-

том лежала на пассажирском сиденье, пристегнутая ремнем безопасности.

Я пристегнула ее. Честное слово!

На светофоре открыла сумочку, вытащила выписку, развернула и перечитала.

ФИО. Дата рождения. Заключение: клинически здорова. Репродуктивный потенциал сохранен.

Я поцеловала бумагу.

Мужик в соседней машине покрутил пальцем у виска. Я показала ему язык и засмеялась.

Зеленый.

Я летела по городу, и он казался мне прекрасным. Неприятные многоэтажки - не серыми, а жемчужными. Лужи на асфальте - зеркалами, в которых отражается небо. Голые деревья - спящими, и вот-вот они должны были проснуться.

На подъезде к нашему поселку я сбросила скорость. Охрана на КПП узнала машину, махнула рукой, шлагбаум поднялся. Я кивнула в ответ, въезжая на территорию.

Здесь было тихо. Дороги посыпаны белой крошкой, газоны еще в прошлогодней траве, но кое-где уже пробивались острые зеленые стрелки. Тюльпаны? Нарциссы? Я не разбиралась в садоводстве, мы нанимали людей, которые в этом понимали.

Я сбавила скорость почти до нуля, въезжая во двор. Наш дом - белый и графитовый кирпич, темное дерево, огромные окна от пола до потолка. Мы купили его два года назад, когда

бизнес Даниила пошел в гору.

«Для семьи, - сказал он тогда. Чтобы было где бегать детям».

Я заглушила двигатель.

Взяла торт и вышла из машины.

Ключ в замке повернулся мягко, как будто все кругом вторило моему счастью.

Я вошла в холл, вдохнула знакомый запах: дерево, свечи, чуть-чуть кофе.

И тут же услышала голоса.

Замерла на пороге, не снимая туфель. Прижала коробку к груди, машинально расправила сбившуюся бечевку. Услышала смех - смех любимого мужа.

И шагнула в темноту.

Наш дом всегда казался мне слишком большим для двоих. Два этажа, огромная терраса, газон, за которым следит садовник, и тишина, которая раньше меня успокаивала. В этот раз она была приправлена нотками разговора и того самого веселья, которое было чисто мужским - громким, несдерживаемым.

Голоса доносились из кухни.

Это были Даня и Димон, его друг.

Его машина стояла у ворот, я еще подумала: «Ну отлично, будет кому разделить с нами торт».

Я сняла туфли. Прошла по мраморному полу холла босиком. Остановилась за углом, прижимая к груди коробку, как

щит.

- ...все продается и покупается, Димон, - говорил Даниил. Очень спокойно, уверенно. Так он обычно закрывал сделки на миллионы.

- Думаешь, эта новая подружка Кати не согласится лечь со мной, если я пообещаю ей золотые горы? Да она предаст мою жену тут же!

Коробка с тортом вдруг стала невыносимо тяжелой. Я вцепилась в нее так, что бумага жалобно хрустнула.

- То есть, ты готов сам пойти на предательство, чтобы что-то мне доказать? - лениво спросил Димон. Слышно было, как звякнула посуда - они явно разливали себе напитки по бокалам.

- А что в этом такого?

Пауза. Я замерла, перестав дышать.

- Все мужики испокон веков любят такой «спорт» - хоть в бизнесе, хоть в постели. Бизнес плох без риска, а брак без походов налево - преснейшая штука.

Я смотрела на свои ноги. На педикюр, сделанный вчера специально к его приезду. Красный лак. «Для сюрприза», - думала я, выбирая оттенок.

Глупая, глупая Катя.

Даниил помолчал.

- К тому же, - добавил муж буднично, - мы с Эммой уже целовались пару раз. И зажимались, как подростки.

Короткий смешок. Его смех. Я знала его - так он потешал-

ся надо мной, когда я пыталась научиться готовить его любимый стейк.

«Ничего, малыш, с первого раза ни у кого не получается». Не получилось. Опять не получилось.

Эмма.

Моя подруга.

Эмма, которая три недели назад сидела на этом самом диване и пила чай, пока я жаловалась на очередной неудачный цикл, оказалась предательницей...

«Кать, вы справитесь», - сказала она тогда. И погладила меня по руке.

Меня чуть не вывернуло ровно в тот момент, когда муж вновь засмеялся.

Я метнулась в гостевой туалет на первом этаже, успев бросить торт на банкетку в холле. Коробка глухо стукнулась о дерево - или мне показалось? Было не до того. Меня рвало в пустую раковину, хотя утром я ела только безвкусные хлебцы, потому что «для зачатия нужно худеть».

Слезы текли из глаз непрерывно. Я смотрела на белую эмаль и думала: «Какая же ты дура. Какая же ты смешная дура с этим тортом! С розочками! И чертовой выпиской».

Голоса на кухне стихли. Наверное, они услышали.

Я медленно сползла на холодный кафельный пол. Прижала колени к груди. Зажмурилась.

В сумке, в кожаном кармашке, лежало заключение от врача. «Здорова. Можете иметь детей».

Ну вот, Даня. У нас получится.

Обязательно получится.

Только с кем?

*

Я сидела на холодном кафеле, обхватив колени руками, и слышала, как вода в раковине уходит в слив. Она смыла все. Осталась только пустота.

За дверью - тишина. Слишком тихо. Они уже не говорили, и это было хуже любых слов. Я слышала, как кто-то идет к ванной.

Шаг. Еще шаг. Ближе.

- Кать?

Голос Даниила. Встревоженный. Чуть хриплый - у него всегда такой, когда муж волнуется.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали, и я сжала их в кулаки, спрятала под бедра. Дыши. Просто дыши.

- Катя, ты там?

Ручка дернулась. Я не заперлась - не успела, да и не думала об этом. Сейчас он войдет и увидит меня, сидящую на полу в гостевом туалете, бледную, с размазанной помадой и красными глазами.

Решение пришло мгновенно.

Как щелчок. Как тот самый момент, когда падаешь и понимаешь: сломаешь руку, не сломаешь - уже неважно, главное - сгруппироваться.

- Сейчас, - сказала я. Голос сел, пришлось откашляться.

- Сейчас, погоди...

Встала, опираясь на край раковины. Колени противно дрожали. В зеркале отразилась чужая женщина - растрепанная, с серым лицом и глазами, в которых больше не было ничего от той дуры, что полчаса назад целовала выписку врача.

Я умылась холодной водой, вытерлась бумажным полотенцем. Пригладила волосы. Улыбнулась.

Улыбка вышла кривой, но это было лучше, чем ничего.

А затем медленно открыла дверь.

Даниил стоял в проеме, бледный, сведя брови к переносице. Он смотрел на меня так, будто я могла исчезнуть или рассыпаться. За его плечом маячил Димон - растерянный, притихший, без своей обычной наглой ухмылки.

- Кать, что случилось? - Даня шагнул, взял меня за плечи, взгляделся в лицо. - Ты зеленая вся. Я звоню в скорую.

- Не надо.

Я перехватила его руку. Пальцы холодные, как лед.

- Не надо, Дань. Все нормально. Просто... я только зашла, и меня вывернуло. Наверное, съела что-то.

Врала я плохо. Всегда. Даниил обычно видел меня насквозь - говорил, что у меня на лице написано больше, чем в «Войне и мир» Толстого.

Но сейчас он не видел. Или не хотел видеть.

- Трясет всю, - сказал он тихо, проводя ладонями по моим плечам. - Поехали в больницу.

- Нет.

Я высвободилась, сделала шаг в холл. Торт лежал на банкетке, где я его и бросила. Бечевка сбилась, коробка чуть покосилась. Димон проследил за моим взглядом и неловко переступил с ноги на ногу.

- Мы с Димоном просто... обсуждали проект, - сказал Даниил слишком быстро. - Он заскочил на полчаса. Я не думал, что ты так рано вернешься.

- У меня это не заняло много времени. Все прошло... быстро.

Голос звучал ровно и был таким будто бы мне не принадлежал.

Даниил и Димон переглянулись. Короткий, почти неуловимый обмен взглядами - но я его поймала. Раньше бы не заметила. Раньше я смотрела на мужа иначе.

- Давай я отнесу тебя наверх, - сказал Даня.

- Я сама дойду.

- Кать.

Он не спрашивал, просто подхватил меня на руки - легко, будто я ничего не весила. Я прижалась к его шее, уткнулась носом в знакомый аромат. Его рубашка пахла кондиционером, которым я заправляла стиральную машину перед Даниным отъездом. И еще чужими духами.

Сладкими. Цветочными.

Эмма пользуется «Florabotanica». Я сама подарила ей этот флакон на день рождения.

- Димон, закрой дверь, когда уйдешь, - бросил Даниил че-

рез плечо.

- Да, конечно, без базара, - ответил тот. Голос виноватый, сдавленный. - Кать, ты поправляйся.

Я не ответила. Смотрела в пол, на ступени, которые мерно проплывали под нами. Одна, вторая, третья. Наш дом. Наша лестница. Наша спальня.

Он нес меня, а я думала: «Сколько раз он нес ее? На руках? В машину? В постель? Или они и впрямь всего лишь «зажимались пару раз, как подростки?»»

Меня снова чуть не вывернуло. Я зажмурилась.

- Осторожно, сейчас повернем, - сказал Даня, будто я была ребенком или тяжелой, но хрупкой вазой.

Спальня встретила нас солнечным светом. Шторы были отдернуты, окно открыто - я всегда проветриваю перед его приездом. Мартовский ветер колыхал тюль, и это было так обычно, так правильно, так невыносимо.

Даниил опустил меня на кровать, сел рядом, взял за руку.

- Рассказывай.

Я смотрела на наши пальцы. Его - широкие, с аккуратным маникюром. Мужчины тоже его делают и это - абсолютная норма.

Мои - тонкие, с красным лаком, который я выбрала «для сюрприза».

И тогда я заплакала.

Не потому, что планировала. Не потому, что это стало какой-то моей особенной потребностью. Просто слезы пришли

сами - тяжелые, соленые, беззвучные. Они текли по щекам, капали на подушку, и я не могла их остановить.

- Катя! - Даня испугался.

По-настоящему испугался - я видела это по тому, как расширились его зрачки, как побелели губы.

- Катя, что сказал врач?

Я молчала и смотрела сквозь него.

- Плохие новости? - спросил он тихо. - Ты больна?

- Нет.

- Тогда что?

Он наклонился ближе, взял мое лицо в ладони. Заставил посмотреть на себя.

- Катя, скажи мне. Что бы там ни было, мы справимся! Только скажи.

Я глядела в его глаза. Серые, с крапинками. Самые любимые глаза на свете. Я целовала веки Дани по утрам, а он смеялся.

Я засыпала, уткнувшись в его плечо, и просыпалась, встречаясь с ними взглядом.

- Она сказала... - Голос сорвался. Пришлось сглотнуть. - Она сказала, что у меня все плохо.

Даниил замер. Его пальцы, сжимавшие мою ладонь, вдруг стали ледяными.

- В смысле - плохо?

Я смотрела в стену. Там висела наша фотография - прошлое лето, Адлер, мы оба смуглые и счастливые. Муж об-

нимает меня со спины, я смеюсь, ветер треплет мои волосы. Мы еще не знали, что через месяц снова не получится.

- Бесплодие, - сказала я.

Слово упало между нами, тяжелое, как камень. А ложь далась мне на удивление легко. Наверно, потому, что я уже все решила...

- А какой точный диагноз? Ну, должно же быть название?

- Господи, Даня! Ну какая разница, какой диагноз, если результат один? У меня не может быть детей!

Я врала. Каждое слово было ложью - кроме боли. Она как раз была настоящей. Я трансформировала ее в сплошное вранье, чтобы только Гринев поверил. Чтобы он не сомневался в моих словах...

И это случилось.

- Катя.

Гринев притянул меня к себе, обхватил затылок ладонью, прижал мое лицо к своей груди. Сердце его билось часто-часто, как у пойманной птицы. Он испытывал эмоции. Скорее всего - страх.

Мой муж, который не боялся ничего - ни конкурентов, ни налоговой, ни кризисов, - сейчас сидел на краю нашей кровати и боялся меня потерять.

- Глупая, - прошептал он мне в волосы. - Глупая моя. Ты думала, я уйду от тебя из-за этого?

Я не ответила. Если бы действительно мне сказали про бесплодие, а я бы не слышала его разговора с Димоном, вы-

вод был бы очевидным: конечно, Даня никуда не уйдет. Он ведь так меня любит! Но сейчас все оказалось прямо противоположным.

- Думала? - Он отстранился, заглянул в лицо. - Поэтому ты плачешь? Потому что боишься, что я...

- Нет. Я не знаю. Я ничего не знаю.

Он выдохнул. Провел большим пальцем по моей мокрой щеке.

- Слышишь меня, Катя? Ты у меня одна. Без детей проживем. Без всего проживем. Только ты и я. Поняла?

Я кивнула. Глотнула воздух, как рыба, выброшенная на берег.

- Я устала, - сказала ему и высвободилась из тех объятий, которые раньше были до одури надежными.

Мне физически необходимо было остаться одной хотя бы на полчаса. Чтобы подумать обо всем.

- Отдыхай.

Он укрыл меня одеялом, хотя мне не было холодно. Меня трясло, но вовсе не от того, что в комнате было прохладно.

- Я принесу чай. Ты что-нибудь ела?

- Ничего.

Я закрыла глаза.

- Там, внизу, торт. Я купила его... хотела сделать сюрприз. Наверно, надо выкинуть.

Даниил помолчал. Я чувствовала его взгляд на своем лице - тяжелый, виноватый. Который он наверняка пытается

превратить во что-то нормальное, лишённое невыносимых эмоций.

- Мы съедем его вечером, - сказал он. - Втроем.

Я не спросила, кто третий.

Я уже знала.

*

Я лежала неподвижно, пока его шаги не стихли на лестнице.

Потом открыла глаза.

Потолок в нашей спальне был высоким, с деревянными балками - Даниил специально заказывал такой дизайн, говорил, что это создает ощущение воздуха и свободы. Я смотрела на эти балки и думала: «Интересно, кто получит дом? Наверное, он. У него бизнес, ему нужен кабинет, приемная, статус. Мне хватит и однушки».

Я думала об этом спокойно. Холодно. Как о плане эвакуации.

Через пять минут села на кровати. Ноги нащупали пол, руки - сжали край покрывала. Я смотрела на свои пальцы - красный лак все еще был безупречен, ни одного сколотого края. Зачем концентрировалась именно на этом - не знала. Наверно, так было проще пережить крах своей жизни.

Я встала и подошла к шкафу. Открыла дверцу.

На вешалках висели платья, блузки, костюмы. Провела пальцами по ткани - шелк, лен, хлопок. Все подбиралось с любовью: «Даня, как тебе этот цвет?» - «Тебе любой идет,

Кать».

Он всегда так говорил. Может, врал. Может, нет.

Я выбрала джинсы и простой серый свитер. Домашний. Не праздничный. В чем обычно разводятся люди?

Переодеваясь, я избегала того, чтобы смотреть в зеркало. Не хотела видеть ту женщину, которая час назад целовала выписку врача. Она умерла. Я похоронила ее в гостевом туалете, спустила в унитаз вместе с остатками завтрака.

Волосы собрала в низкий пучок. Никакой помады.

И вышла из спальни.

Лестница показалась длиннее обычного. Ступени скрипели под ногами - мы все собирались вызвать мастера, но руки не доходили. Теперь уже не до нас.

Голос мужа доносился из гостиной.

Даниил говорил по телефону - тихо, торопливо. Я остановилась, не дойдя до него нескольких метров, прижалась спиной к стене.

- ...да, я понимаю. Нет, мы не были у вас, только в городском центре. Да, я могу прислать выписку... Хорошо, спасибо. Жду.

Он сбросил звонок.

Я выглянула.

Муж сидел в кресле, перед ним на низком столике стоял раскрытый ноутбук. Пальцы Гринева были сцеплены в замок, поднесены к губам. Он смотрел в экран, и я видела его лицо в отражении темного окна - растерянное, почти дет-

ское. Обычно он таким не бывал. Обычно Даня был скалой.

Я сделала шаг. Еще один. Мне было дико страшно...

- Дань.

Он вздрогнул. Резко обернулся, захлопнул ноутбук - слишком быстро, слишком виновато.

- Катя? Ты чего встала? Лежи, я сейчас чай принесу.

Муж уже поднимался, но я вскинула руку.

- Не надо чая. Сядь, пожалуйста!

Он замер. Устроился на самом краю вновь, готовый вско-
чить в любую секунду.

Я подошла и присела напротив. Диван был мягким, подушки меня словно бы обняли, я в них утонула. И вдруг остро, до физической боли, захотелось провалиться сквозь них, сквозь пол, сквозь фундамент, в черную землю.

- Я хочу сказать тебе кое-что важное, - начала, подбирая слова.

Даниил напрягся. Взгляд метнулся к моему лицу - он пытался прочитать меня, как открытую книгу. Возможно, если бы настолько сильно себя не контролировала, ему бы это удалось.

- Слушаю, - сказал он тихо.

Я смотрела на ноутбук. Крышка была закрыта, но краем глаза, еще до того, как он его захлопнул, я успела увидеть вкладки. «Причины женского бесплодия». «ЭКО отзывы». «Психологическая помощь при бесплодии».

Он гуглил, как спасти наш брак.

А я уже знала, что спасать нечего. И дело было вовсе не в моей лжи. Кое-кто весьма конкретный соврал куда более непростительно.

Я отвела взгляд от ноута и посмотрела прямо в глаза мужу.
- Я хочу развода.

Сказала эти три слова и даже дыхание задержала. Если бы кто-то сообщил мне еще пару часов назад, что я в принципе хоть когда-то произнесу подобное, я бы рассмеялась ему в лицо.

Наступила полнейшая тишина.

Не та, которая бывает в пустом доме или поздней ночью. А такая, которая приходит после взрыва - когда воздух сгущается, а звуки не могут пробиться сквозь вату в ушах.

Даниил побелел.

Я никогда не видела, чтобы люди так бледнели. Это была не метафора - кожа действительно потеряла цвет, прямо на глазах. Губы стали серыми. Кончик носа заострился.

- Что?

Голос сел. Он прокашлялся и уточнил приглушенно:

- Катя, что ты говоришь?

Слова давались ему тяжело - я это видела. Но как бы горько ни было на душе, я все уже решила.

- Развод, - повторила я увереннее. - Я хочу развестись.

Он смотрел на меня так, будто я ударила его ножом в грудь и продолжала поворачивать лезвие. Он не понимал. Да и не мог понять в принципе.

- Из-за врача? - спросил он хрипло. - Катя, это ерунда. Мы найдем другого. Мы вообще можем не лечиться, если тебе тяжело. Мы усыновим. Мы...

Он собирался продолжить, но я его оборвала:

- Не из-за врача.

- А из-за чего?

Гринеv подался вперед. Хотел взять меня за руку, но я убрала ладони под бедра. Сидела, как нашкодившая школьница, и смотрела в сторону.

- Катя, посмотри на меня.

Я не могла себя заставить выполнить его просьбу.

- Катя!

Он никогда не повышал на меня голос. Ни разу! Даже в ссорах, даже когда я была неправа. А сейчас сорвался - и тут же зажал рот ладонью, будто испугался сам себя.

- Прости, - выдохнул он. - Прости. Я не хотел... Просто объясни мне. Пожалуйста. Я ничего не понимаю.

Я все еще молчала, а он сидел напротив, сжимая подлокотники кресла так, что костяшки побелели. Взирали на меня, и в глазах у него был ужас. Не злость. Не обида. Чистый, животный страх.

- Это из-за того, что я в командировку часто уезжаю? - спросил Даниил сдавленно. - Я сокращу поездки. Буду дома. Я все буду делать, Катя. Только скажи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.